

С

таруха, кряхтя, открыла хлипкую, измазанную грязью дверь сарая. В лицо пахло сыростью и мышами, темнота немного рассеялась, отступив перед рассветным солнцем.

— Та куды дид цю тяпку спрятав!

Грузная пожилая женщина несколько минут рылась в небольшом сарайчике. В конце концов, она отыскала тяпку, которая стояла не вместе с лопатами и вилами, а валялась на земляном полу. Превозмогая боль в спине, бабушка нагнулась, взялась за черенок и вытащила сельскохозяйственное орудие из сарая. На ее лице мелькнула сдержанная улыбка, которая сразу же исчезла, когда она заметила налипшие комки грязи на металле.

— Ох, дид. Ну усе за тэбэ трэба робыць. Ну, що ж ты тяпку нэ почистыв? Проку вид тэбэ, старый...

И дальше началась привычная добродушная тирада о бесполезности деда в хозяйстве. Старушка долго бубнела себе под нос о недостатках мужа, ковыляя на огород.

Она знала, что дед уже проснулся, но продолжает лежать в кровати. Сил у него с каждым днем становилось все меньше, все-таки возраст. Да еще и война эта... Он смотрел в потолок и думал о прошлом. Бабка переживала, что супруг последнее время закрылся в себе и практически не общался с ней. «Мабудь, вспоминает, як сам воевал, — думала Рая. — Ох, проклята вийна. Кинця и краю ей нэма». Ему станови-

лось все хуже. В былые годы высокий, стройный, с хитринкой в глазах и острый на язык, сейчас дед с каждым днем угасал.

Старушка знала, что дед Степан участвовал в страшных битвах Великой Отечественной, штурмовал города, замыкал котлы и не жалел фашистов в боях. Он терял друзей; мертвые, за которых он молился, исчислялись десятками. Горел в танке, чудом выжил. Получил два ранения, оба — в левую руку, которая теперь плохо работала. Степа был и в Берлине, видел падение фашистской Германии, фашистской империи. Но они победили ее ценой собственных жизней, ценой сломанных навсегда судеб. Павший рейхстаг, красный победный стяг, ликующие крики однополчан. Это было целую жизнь назад. После возвращения с фронта Степан начал работать сельским учителем, преподавал русский язык и литературу...

— Эх, Райка, тебе все на месте не сидится? — послышался голос деда за спиной. — С самого утра на огороде.

В отличие от супруги, которая сызмальства говорила на суржике — смеси украинского и русского языков, — он разговаривал только на русском, с правильным произношением и ударением.

— Та тобі абы поспать.

Старик улыбнулся, за годы он привык к показному недовольству супруги. Он знал, что она его любит, и чувства их были взаимны. Хотя это не первая его жена, да и разница в возрасте ощутимая — ему девяносто четыре, ей всего семь десятков. Однако в старости это не имеет такого значения, как в юные годы.

— Пойдем лучше позавтракаем. Дураков работа любит, еще напашемся.

Бабушка бросила тяпку на сырую землю и пошла вслед за ним во флигель, где была кухня.

— Доци це гарно. Й поливать не трэба. А бурьяна — до горизоннта.

— Ну, сейчас покушаем и вместе пойдем полоть.

— Да сегодня як солнце свитыть, жара будэ.

— Ну, ничего, головы спрячем от палящего солнца.

— Всэ з ранку трэба робыть, а не до обида чэкать.

— Ничего, от работы кони дохнут.

— Та чи хйба тилькы от работы?

На запах жареной картошки с салом откуда ни возьмись во дворе появился Женька — внук Степана. Здоровый и высокий, весь в деда, двадцатилетний парень, однако уже успевший пристраститься к выпивке. Целыми днями он шастал по чужим домам в поисках собутыльника. Дед только раз пытался ему что-то объяснить, но попытка его оказалась тщетной. Степан знал, что каждый по-своему переживает войну.

— О, сейчас позавтракаем, — потер ладони внук. — А то, кажется, уже сутки не ел ничего.

— Чаше дома надо появляться... — протянул дед. — И пить меньше, — уже шепотом добавил он.

— Я занимаюсь делами. Деньги заработать пытаюсь.

— Знаю я твое зарабатывание. С Васькой металл крадете небось, по дворам опустевшим лазите? Или чего хуже?

— Ну, перестань, дед. И так голова болит с бодуна, а ты грузишь...

— Ладно, бери вилку, садись.

Они неспешно завтракали. Степан ел немного, размеренно. Кусок в горло не лез. И так с самого начала донбасской войны. Это стало причиной того, что дед похудел и сдал. Рая уже чуть ли не из ложечки его хотела кормить. Да только он как гаркнул: «Да уйди ты со своей едой! Тут такое, а ты...»

Сильно переживал старик все происходящее вокруг. Да и как не переживать-

то? Но не за жизнь свою. Его мало заботила собственная судьба. Степан думал о внуке и вообще о молодежи.

«Что же это такое произошло? — сокрушался он в минуты отчаяния. — Это же теперь и у них жизни будут исковерканы, как у нас. Проклятая война. Почему она снова и снова возникает? Почему ни одно поколение не может без нее прожить? Как же так... Мы же победили фашизм... Почему он вернулся? Неужто память людская так коротка?»

Гнал от себя эти мысли старый Степан.

— Женя, надо огород помочь прополоть, — заговорил он. — Дел в хозяйстве невпроворот.

— Дед, ты меня, конечно, извини. Я с удовольствием. Но сегодня у меня неотложное дело, к Кольке в соседнее село надо смотаться. Я постараюсь быстро вернуться. И тогда помогу.

Рая ухмыльнулась, знала, что внук пропадет на пару дней, заполнит их гулянками и самогоном. Потом опять придет в дом, будет просить пенсию на опохмел или еще чего. Совсем не понимал он, что своим поведением гробит дедушку, пожалуй, сильнее, чем эта война.

Степан махнул рукой, мол, делай, как знаешь. Парень, ничуть не расстроившись, встал из-за стола, взял дедов старый велосипед и укатил.

— Ладно, бабка. Я пойду на огород. А ты постирайся, накопилось одежды.

Они работали до обеда. Погода была хорошей, все остальное отступало на второй план. Солнце жалило степь, ветер щекотал колосья на полях. Тишина и покой. «Кто сейчас может наслаждаться этим? Все суетятся в нескончаемой борьбе за выживание, за копейку и кусок хлеба», — думал ветеран. Изнуренный тяжелой работой, он приковылял в дом и завалился на свою кровать возле печи.

— Ты обидаты бушь? — ворвалась бабка.

— Нет, Раечка. Я отдохну немного.

— Лягай, поспы.

— Да, вздремну чуток.

Под вечер дед, встав с тяжелой головой, почистил в курятнике, покормил птицу. Во дворе висело постиранное белье. «С таким приветливым солнцем быстро высохнет», — подумал Степан. Ясная погода, вроде сегодняшней, придавала ему сил и, само собой, хорошего настроения.

Наступали сумерки. Дед, сидя за двором на лавочке, мечтательно и тихо затягивал: «Речка движется и не движется, вся из лунного серебра...», Рая задумчиво молчала. Она обратила внимание на главную улицу их села — ни души. Раньше то и детвора по вечерам бегала, и старики возле дворов собирались, пели песни, играли в карты. Сейчас — никого. Даже в окнах нестройного ряда сельских домов огонь практически не горели.

«Не забудь и ты эти летние подмосковные вечера», — допел дед Степан. Любил он очень эту песню, вспоминал молодость, встречи с друзьями и подругами, радость искреннего общения...

Спокойствие тихого вечера в одну секунду разорвала артиллерийская канонада. — Во флигель!

Старики соскочили с лавочки, слыша свист, прикрыли за собой металлическую калитку и забежали в здание. Послышался взрыв, мина упала где-то рядом. Пространство наполнилось горьким шумом. Начался обмен «приветами» между украинскими солдатами и ополчением. Бабка присела на пол возле маленькой печки, прижалась к стене. Дедушка сел на стул возле окна, из которого был виден край села и посадка. Закурил, наполняя прохладную комнатенку дымом. Уже долгое время перестрелок не было. И вот период затишья, судя по всему, закончился.

Безжале губы деда Степана скривились, как от боли — он подумал о бесконечных обстрелах прошлого лета. Тогда их деревня сильно пострадала, погибло несколько человек, которых дед знал с самого рождения. Старику было неловко признавать, что даже ему, bravому солдату, прошедшему сквозь огонь, становилось страшно в иные моменты. Чтобы побороть это чувство, он доставал свой пиджак с несколькими орденами на груди. «Если погибать, то при параде», — думал он, и ему казалось, что этот пиджак надежнее бронезилета.

К осени в соседнем селе закрепились украинцы. Они ездили по округе, насильно мобилизуя в основном молодых мужчин. И к нему приезжали несколько раз. Военные прознали, что у стариков живет внук, и начали нечто вроде охоты за ним. Однажды дед Степан вышел к ним в этом самом пиджаке с орденами, готовый принять смерть. У незваных гостей он приметил свастику на шевронах и соответствующие татуировки на руках. Добровольцы нацбата угрожали ему, требовали выдать внука. Но ничего не смогли сделать ветерану. Хотя, наверное, и хотели. Почему? Ответить на этот вопрос не мог и сам Степан. Они угрожали, трясли автоматами, матерились, грозились пристрелить, но в итоге просто уехали ни с чем.

«Страшное было время, как в войну. Да, собственно, сейчас и есть война, — думал пенсионер. — Только войны эти какие-то разные».

Округа вновь наполнилась страшным гулом сражения. В такие моменты все будто бы исчезает: пение птиц, журчание ручейка, шелест листьев, песни сверчков, другие мелодии степи... «Куда девается это, когда начинается артналет? — думал дед. — Потом все заканчивается, и снова появляются ласточки, на речке квакают жабы, мычат на выпасе коровы...» Эхо разрывов носилось по селу, отражалось от холмов и растворялось в небесах. Продолжалось это пару часов. Дед Степан сидел смирно, лишь иногда закуривал, а Рая даже немного придремала. «Это сейчас уже привыкла. А в первые разы металась по дому, как перепуганная цесарка», — усмехнулся старик. Усмешка была горькой.

— Раечка, пойдем в дом, будем спать ложиться, поздно уже.

Он помог жене подняться, и они вдвоем поковыляли в дом. Выйдя из флигеля, Степан услышал, что вдалеке идет автоматный бой. Значит, сошлись близко противники. Как только старики зашли в свой просторный дом, с другой стороны от села снова бабахнули тяжелые орудия. «Ты смотри, как разошлись, ироды», — отметил про себя дед.

На протяжении всей ночи не стихала перестрелка. Лишь иногда наступал небольшой перерыв. Дед Степан лежал, укрывшись одеялом, и добросовестно считал выпущенные снаряды, отмечал длительность периода, когда не стреляли. Вокруг темно — в доме, на улице, в сердце. И причудилось деду, что эти взрывы раздаются лишь в его голове. Автоматные очереди слышались совсем недалеко. «Неужто ополчение прямо сюда добралось и освободит нас? Эх, как там мой сынок? Жив ли...» — и сразу запретил себе думать на эту тему...

С рассветом будто нечистая злая сила отступила и скрылась. Воцарилась тишина.

Рая проковыляла мимо дедовой комнаты. «Восхитительная женщина, откуда в ней столько сил?! Солнце только взошло, а она опять на огород. Нечего и мне залеживаться», — тяжело сопел Степан.

Бабушка наначала из скважины холодной воды и от души напилась. Ночью горло страшно сушило, но вставать не хотелось. Из сарая снова достала тятку и отправилась на огород. «Скільки викив кормить нас земля, — промелькнуло в голове. — И не исчерпается никак. Другэ дило люды... И черпать-то из них ничего». И вспомнила внука Женю.

Работала она самоотверженно, не жалея себя, труд был всем смыслом ее жизни. Безжалостно она выкорчевывала буйно разрастающийся бурьян, который

мешал взойти помидорам, огурцам, картофелю. Кое-где приходилось рвать руками, отбросив тяпку. Бабушка Рая дошла до конца огорода, прополов узкую полоску. Она приостановилась, чтобы отдышаться. Повела взглядом кругом. Хорошо-то как, красиво. И не стреляют. За огородом земля спускалась вниз, а затем резко поднималась, образуя небольшой овраг. Старушка заметила черные кляксы на зеленой траве — это свежие куски земли из воронок. Да, стало быть, мины ночью совсем рядом ложились.

Затем она обратила внимание на большое темное пятно у зарослей невысокого кустарника. Приглядевшись, бабка поняла, что это лежит человек. Она заметалась, думая о том, что надо ему помочь. «А вдруг помэр? Так, мабуть, вже мэртвий», — заключила она, приметив, что человек не двигается. Но твердо решила проверить это. Не выпуская из рук тяпку, пожилая женщина пошла к нему. В овражек старушка не рискнула спускаться — ноги больные, поэтому решила обогнуть его справа.

Солдат не двигался. На форме были шевроны в цветах украинского флага. Рая видела его ранения, кровь испачкала штаны и рукава камуфляжной формы. Она спустилась ближе к нему. Военный, вероятно, услышал шорох и из последних сил открыл глаза. Теперь стало видно, как ему было тяжело дышать.

— Ты живой? Я зараз прыбигу! Нэ вмирай! — громко прокричала бабка и отправилась назад к своему двору, чтобы потревожить деда. Нельзя было терять ни минуты. Он-то точно знает, что делать.

Ей показалося, что дорога к дому заняла полчаса, хотя ковыляла бабушка Рая минут пять. Для ее больных ног по такой неровной местности это была олимпийская скорость. Она ворвалась во двор, перепугав деда, стоявшего и смотревшего на облака.

— Что ты носишься? — спросил он, но осекся, видя ее взволнованное лицо. — Что-то стряслось?

— Там людына поранэна за огородом лэжить!
— Яка людына? — сам перешел на суржик Степан.
— Солдат, вийськовий.

Украинский военный, стало быть. Дед перевел взгляд с супруги назад на небеса, всем своим видом давая понять, что не особо его это волнует.

— Що ты стоишь? Вин живой!
— И что? Пусть и живой. Мне до этого какое дело? — было видно, с каким трудом дед произносит эти жесткие слова.

— Та цэ ж людына!
— Людына? Какого черта они вообще сюда приперлись? Тебе рассказать, что по селам творится? Что они творят? Людыны... Забыла, как они к нам приезжали, как угрожали убить? Ты не хуже меня знаешь — это фашисты! Настоящие фашисты... И ради этого мы немцев били в сороковых, чтобы спустя годы наши потомки стали такими?.. Да пусть сдохнет! — дед резко отвернулся. Ему противно было говорить эти слова.

Бабушку начало трясти, нервы сдавали.
— Та вин же поранэный. Чи ты забув, як сам воював, як сам горив?
Спина Степана дрогнула.

— Ты знаешь, що робыть, щоб его спасти?! Дид!
— Я уже который месяц не знаю, жив ли мой сын, что с ним, где он сейчас. И он воюет с этими нелюдями. Воюет из-за меня, потому что отец его защищал эту землю.

— А якщо вин так же дэс лэжить у трави и йому нихто не допоможе? Дид, ты ж був солдатом, знаешь, як важко. Та в чому повинэн той хлопэць? То владу в кабинэтах трэба стрілять!

Дед Степан боялся сдвинуться с места. Он чувствовал правоту за собой... Тогда почему и бабушка была права? Он не решался, боялся, что может предать все то, за что идет эта война на Донбассе.

— Та хватэ спать! Там людына вмирае!

И вспомнил старик, как советские медики в войну одинаково лечили и раненых красноармейцев, и немцев. Потом первые отправлялись снова на фронт, а вторые оставались в плену...

Наконец, дед Степан решил все же идти к украинскому военному. Дома в аптечке взял то, что было.

— Ладно, пойдём, старая. Сведешь ты меня... Надо посмотреть, можно ли его трогать, чтоб отнести в дом. Только сами мы не сдюжим. Нужно из соседей кого-то найти.

Они дошли до края своего огорода. Дед заметил лежащего солдата. Рядом с ним кто-то стоял. Подойдя ближе, старики узнали внука Женюку. Он тоже их увидел и замахал руками. У обоих внутри все оборвалось. Рая и Степан деревянными ногами, неуклюже шагая, стали подходить к нему. И предчувствие тревоги не обмануло их. В руках Женюка вертел окровавленную тяпку, которую бабушка оставила возле кустарника.

— Я укропа завалил, дед! — от парня несло алкоголем. — Как ты в сорок пятом!

— Ну, нет, Женюшка, — простонал дед. — Мы так не воевали.

Но внук не слушал, он побежал в деревню в поисках собутыльников, чтобы отметить свою легкую победу. Добрый солнечный свет заливал поля, но урожая не предвиделось. На пашнях было пусто, засеивать их было некому...

После этого случая дед Степан с кровати практически не вставал.

ЗАТЯНУВШАЯСЯ ВОЙНА

Сергея не хотел вставать. Последнее время не высыпался чудовищно. Старался загрузить себя работой до самого вечера. А работы журналисту в военном Луганске хватало. Хотя, конечно, не таком уж военном, как летом 2014 года. Жизнь в городе вернулась в нормальное русло, насколько это было возможным. Ведь война еще продолжается. И те, с другой стороны, наверняка попытаются стереть Донбасс с лица земли. Через год, два или три. Когда поступит указка от вышестоящих кураторов. Но сейчас все же были поводы писать о чем-то хорошем. Литвинов пытался упорно разглядеть эти позитивные вещи и временами ему это даже удавалось. Например, недавно, гуляя неподалеку от Луганского моря, он с удивлением обнаружил, что ремонтируется дорога, ведущая к поселку Тельмана. Или вот, молодые каратисты завоевали первые места на соревнованиях в России.

Такие вести помогали бороться с депрессией. Недостатки-то можно найти везде, в самых лучших местах. А в Луганске они сами бросаются в глаза. Но Сергею хотелось акцентировать внимание именно на чем-то хорошем. Он писал, и писал много, а в редких случаях и хорошо. Публицистикой своей Литвинов был крайне недоволен, но некоторые статьи ему все-таки нравились.

Солнце вставало рано, весна давно вступила в свои законные права. А там еще месяц — и лето.

Он часто вспоминал университетские годы: безделье, романтические вечера и вечный поиск денег на пиво. Все было так просто в те годы. А теперь... Столько бед пережито, проклятая война!

Но надо вставать! Прекрасное весеннее утро! Бодрый просыпающийся город!.. «Зарядку бы сделать, — подумал Сергей. — Или покурить натоцак? Что там советуют врачи?..»

— Алло, мам! Если получится, сегодня заскочу вечером. Ну, вдруг встречи какие по работе, кто его знает. Ладно, скучаю, обнимаю...

Долгое время он уже жил один, снимал маленькую квартирку возле Восточно-го рынка. Часто ездил к родителям, раз в несколько дней. Ему давно хотелось иметь свой угол, чтобы побыть одному и не зависеть от родительских правил. Посуда не помыта? Мам, я журналист, а не посудомойка. Ну, ладно, ладно...

Пасмурная погода весной — это классно. Не холодно, но свежо, прямо хочется попасть под дождь и ощутить на себе буйство природы, сопротивляясь ветру, пробежать в кроссовках по глубоким лужам и, наконец, укрыться под козырьком подъезда, зная, что в рюкзаке лежит маяющая бутылка портвейна. Делашь глоток, все внутри согревается, и становится плевать на мокрые ноги и на все остальное.

Сергей прочел в прогнозе, что дождя сегодня все-таки не будет, ближе к обеду тучи уйдут подальше от города. Ничего, грозы еще порадуют, думал он.

Вышел из подъезда и, случайно бросив взгляд, заметил интересную наклейку на доске объявлений.

— Опа-ча! — вырвалось у Литвинова.

На листовке, прикрепленной возле самого входа в подъезд, черными буквами на сине-голубом фоне значилось: «Украинские войска скоро освободят Луганск от российских оккупантов». Серега сорвал листок бумаги, скомкал его и хотел выбросить, но урны рядом не оказалось. «На работу доберусь, там выброшу. Но сначала надо будет сфотографировать этот прекрасный образец пропаганды», — мелькнуло в голове у журналиста.

Бодрым шагом он отправился на работу. Впереди ждал новый день.

* * *

После таких встреч хочется нажраться так, чтобы забыть свое имя. Начать с чистого листа и сделать вид, что не было этого разговора. Будто не встречался с человеком и не пропустил его горе через себя. Литвинов шел вдоль трамвайных путей, за спиной в весеннем солнце сверкали купола церкви. Внутри было пусто и тяжело. Наверное, между этими понятиями можно поставить знак равенства. Ведь не бывает пусто и легко, пусто и радостно, пусто и светло. Сердце сжало в тиски от многочисленных выкуренных сигарет. Но не только от них...

В ее квартире много икон и церковных книг. И его фотографий. Она с нежностью смотрит на них.

— Вот на этой Леша получилась очень хорошо, такой настоящий.

Он стоит в камуфляже с автоматом, бородатое лицо со светлыми глазами. Через окно за его спиной пробивается свет заходящего солнца.

— Когда Алеша служил, началась война в Югославии, самолеты НАТО бомбили Белград. Он рвался туда. Говорил, что его гордость за русских берет. Но Бог тогда смилостивился, тех ребят, которые собирались туда идти, не взяли. Ну а тут, когда у нас такое случилось, выхода не было. Он мужчина, он военный, он верующий, он знает, что надо защищать народ, — говорит тетя Люба.

Она заварила и разлила по чашкам чай, Сергей достал печенье. На улице и в квартире было уже тепло, на дворе стоял апрель. От горячего чая бросило в жар.

— Он так изменился, когда вступил в ополчение. У него поменялось лицо, стало более худым и измученным. Лешенька говорил: «Мам, я такое видел...» Я его спрашивала, как же он это все переживает, а он говорил, что настроился и готов ко всему. Про ребят-сослуживцев Алеша говорил: «Ма, они мужики такие здоровые и сильные, а все равно как дети. Они верят в лучшее, надеются на победу. Я с ними просто душой отдыхаю». Он очень гордился ими. Как орлы слетелись, их никто не принуждал, они сами шли воевать.

— Печему он пошел в ополчение? — продолжала она. — Леша служил в ВДВ, у него была подготовка, он умел воевать. В жизни у него всякое было. И вот он вернулся домой и увидел здесь чистых и самоотверженных людей, он просто удивлен был. Выйдешь, говорит, на передовую, там ребята сидят в окопах, замерзли, в любой момент их могут убить, а все равно улыбаются, шутят, разговаривают. Это и есть русский дух, который хотят уничтожить. Но Матерь Божья хранит нас.

Сергей встал и прикрыл форточку, так как по спине тянуло прохладным весенним воздухом. А в квартире стало еще жарче.

— Он помогал мне растить младшего сына. Алеша рано потерял отца, но стал для меня надежной опорой. Он везде и во всем был надежный. Для младшенького он был как отец. Алешка внимательный и терпеливый, он может долго заниматься. Всегда стоит на страже справедливости. Если нужно за человека заступиться, то он поднимается и заступает, даже если при этом может потерять что-то. У него нет страха. Как-то гулял он по городу с женой. Вдруг стали к нему два лба здоровых приставать. Он им улыбнулся, по-хорошему что-то ответил. А они давай к жене приставать, за руки хватать. Через мгновение они уже лежали на земле. Он же в армии служил, очень сильным был. Ему Господь такое знание дал. Каждому Господь дает свое. И на этом попроще человек должен работать в совет.

Еще такой момент очень характеризует Лешу. Он же в «Беркуте» служил. Страдал после каждого случая, если приходилось кого-то бить или еще что-то. Он от этого очень переживал. Есть люди, которым это в удовольствие. Но не ему. Леша говорил: «Если я этого не сделаю, то подставлю своего товарища». И потом он решил уйти, не смог там быть, потому что для него это было очень тяжело. Он очень тянулся к светлomu.

Но когда «Беркут» начали в Киеве жечь и избивать, убивать их, он сразу загорелся, ему стало обидно за них. Да не может быть, говорит, такого. Если бы приказ отдали, то «беркутовцы» сразу всех на место поставили бы. Они свое дело знают, тут что-то не так. Он бы никогда не купился на этот Майдан, да и никто у нас в семье не купился...

После института он со своей группой поехал в Одессу золотить оперный театр, это наши ребята всю эту красоту делали. Леша предложил младшему брату, который только окончил школу, поехать вместе с ними. Тот согласился, но сперва у него не получалось, он чуть ли не плакал там. А Леша ему говорит: «Как хочешь, но ты мой брат и ты меня не должен подвести». В итоге он научился благодаря Алеше. После этого младший в Краматорске полностью золотил церковь. И обрамление, и киот они сделали. Это Алеша его научил и оставил такой след в жизни...

Литвинов слушал воспоминания тети Любы о погибшем сыне. Ему хотелось взять ее за руку. Уже больше двух лет прошло с момента гибели Алексея. Она отойдет. Со временем. Сергей верил в это.

— Я его спрашиваю: «Как ты это переносишь?» А он говорит: «Мама, я уже настроился. Мы все уже настроились реагировать нормально. Мы должны это сделать».

У нас дома умер один человек, молодой человек. Стали просить, чтобы похоронили, потому что кругом стреляли, выйти невозможно, больница отказывалась, говорят: «Идите к ополченцам». А ополченцы — это же дети наши. И Леша помог похоронить его. Он еще в таком непонимании был от того, что бросали стариков. Сколько было в городе одиноких брошенных и немощных стариков. Они просто не могли себя сами обслужить. И наши ребята за них все делали, всю грязную, как говорится, работу выполняли. А ведь ее никто не видел, она никого не касалась, но ее кто-то делал. Он шел, зная, что рядом пули свистят. Думала, что отмо-

лим у Господа, выпросим у Него, чтобы не погиб, живым вернулся мой Алешенька. Мы же семья православная, верующая...

Она говорила еще много вещей, которые беспокоят душу. Осенью Леша хотел уйти из ополчения, но заключил контракт на дальнейшую службу. А она не настояла, чтобы он ушел... Никто не знает, какой путь пройдет человек и как он его пройдет.

Сергей подумал о том, что в ополчении было и есть много разных людей, не всегда встречаются достойные, идейные и чистые. Святых еще не встречал. Но Леша... Конечно, он не был святым. Но Литвинову показалось, что такие, как он, стоят на ступень ближе всех остальных к Господу.

Журналист шел вдоль трамвайных путей, за спиной сиял купол церкви. И как писать об этом? Слишком много всего было в разговоре. Сколько лет еще будет тлеть этот конфликт, то разгораясь в связи с внешнеполитическими обстоятельствами, то внезапно затухая? Сергей размышлял над этим по пути домой. Хотелось напиться до беспамятства, проснуться утром и почувствовать себя более новым, более легким, чем сейчас.

Она осталась совсем одна. Младший сын уехал еще до войны, а старший... Старший погиб. Сереге хотелось верить, что у нее есть смысл жить дальше и она справится с тяжелой потерей. Христианам остается лишь смирение. Леша всегда будет рядом с ней. Дома хранятся его фотографии, письма из армии, короткие стихи для любимой мамы. Она будет пересматривать и перечитывать их, вспоминать счастливые дни его детства.

* * *

Погода день ото дня улучшалась. Весна отогревала все живое. Литвинов сбросил куртку, будто вылез из панциря, и ходил теперь в толстовке. Ароматы цветущих абрикосов возвращали в юность, когда так хотелось в кого-нибудь влюбиться.

Он подошел к прилавку на рынке, чтобы купить домой овощей. Все было каким-то неприглядным и выглядело невкусным.

— Дяденька, купите пирожок, — услышал он тонкий детский голос сбоку. Сергей повернулся и увидел лохматого мальчишку.

— Пойдем, тут рядом чебуречная.

Они направились к ларьку, и Серега купил несколько пирожков с капустой и картошкой. Присели на лавку. Рядом балагурили мужики, периодически доставали из кармана небольшую бутылку водки и, оглядываясь, выпивали.

— Спасибо, дядя.

— Да не за что. Ешь на здоровье. Как тебя звать?

— Илья, — мальчишка жадно уплетал за обе щеки пирожки. Ему было лет восемь или девять. Он не походил на бродягу, одежда на нем была чистой, хоть и не новой.

— А родители твои где?

— Мама на работе, сестра в детском садике. А я в школу не пошел. Не хочу.

Литвинов не стал толкать нравоучительные речи, чтобы вдохновить мальчика к учебе.

— Я, например, плохо учился в школе. И ничего... Но родился и жил я, и выжил, — сказал Сергей и автоматически добавил. — Дом на Первой Мещанской в конце.

Ребенок, очевидно, был очень голодным, он быстро съел два пирожка и теперь, казалось, был полностью доволен жизнью. Литвинов незаметно улыбнулся.

— А отец твой где?

— Папа... Он ушел воевать.

— В ополчении, стало быть.

— Нет, дядя. Он за Украину воюет.

Одна из тысяч историй о распавшихся семьях и сложно переплетенных судьбах. Сколько таких уже слышал Сергей? Добрую сотню. И по-прежнему эти истории не оставляют сердце спокойным.

— Сейчас, подожди. Посиди тут, — сказал Литвинов.

Он отправился в супермаркет и вернулся с пакетом, в котором лежали продукты.

— На вот, возьми. Маме домой отнесешь.

Мальчишка не упирался и сразу взял пакет, но даже не стал смотреть, что было внутри. Он был рад всему съестному. А Сергей чувствовал себя отчего-то очень неловко.

* * *

Летом солнце встает рано и заставляет подниматься других. Литвинов проснулся в полшестого и понял, что уже не уснет. «Что делать в такую рань?» — посетовал он. Принял душ, сбросил с себя остатки сна. На кухне заварил крепкий кофе и вышел покурить на балкон. Город только просыпался, ездили первые маршрутки. Было прохладно. Кофе согрел грудь и желудок. Первая затяжка вернула вкус к жизни. Все-таки хорошо вот так стоять летним утром на балконе, пить кофе и курить сигарету. Чувствуешь себя крутым. И пусть в сейфе нет миллионов, да и самого сейфа тоже нет, но в этот момент ощущаешь себя на вершине мира. Хотя бы на пару минут.

Людей на улице почти не было. Многие еще спали или едва начинали просыпаться. Только какой-то парень копошился возле соседнего подъезда. Сергей пригляделся и заметил, что незнакомец разглаживает какую-то бумажку на доске объявлений. Тот, подчинившись шестому чувству, повернул голову и увидел Литвинова. Незнакомец начал спешно уходить. Сергей запомнил только темно-синюю футболку с гербом какой-то футбольной команды, в которых он не разбирался. «Странный тип», — подумал журналист. И вдруг его осенило. Он перегнулся через перила, чтобы лучше разглядеть доску объявлений. На ней появилась листовка, точно такая же, какую он сорвал у своего подъезда больше месяца назад. «Интересненько», — хмыкнул Серый. Сделал глубокою затяжку, запив дым крепким кофе. Впереди его ждал стандартный рабочий день.

Литвинов приехал на работу и узнал, что ночью обстреляли Красный Яр — одну из окраин города. Здесь в основном были частные дома и дачные участки. Срочно требовалось ехать туда. Дорога заняла менее получаса. На протяжении маршрута Серега думал о том, когда все это прекратится. Должен же быть всему конец. Три года идет война. Это много или мало? Он вспомнил лето четырнадцатого года, когда неделями сидели под обстрелами. «Как все это затянулось. Ведь по-другому все должно было быть», — сетовал мысленно журналист. Сколько вообще длятся войны? Бывает и так, что десятки лет. Ему захотелось лечь в египетский саркофаг, притвориться фараоном, но проснуться в ту первую минуту, когда объявят, что война окончилась. Когда отдерут от подошвы эту приставучую жвачку трагедий и потерь...

В поселке уже всю работу выполняли сотрудники МЧС, они осматривали места, куда упали снаряды, делали фотографии. Снаряды повредили несколько домов и линию электропередач. Литвинов надеялся, что никто не погиб. Он подошел к одному из жилищ. Рядом беспорядочно валялся хлам. Неясно, всегда ли он тут лежал или появился из-за обстрела. Крыша дома была пробита, торчали балки, часть шифера еще держалась. Стекла, словно блестящая роса, усыпали молодую траву. Взрывной волной вынесло рамы. Сергей подошел и увидел на них кровь. Позже

он узнал, что при обстреле пострадали два человека. К счастью, ранения их были легкими, и ничто не угрожало жизни.

Рядом ходили соседи, собирали какие-то вещи, оказавшиеся вне дома. Пожарные потушили жилые здания, но сарай еще немного тлел, вверх уходила струйка черного дыма. Неподалеку играли дети. «Привыкшие, — подумал Сергей. — Может, в детстве оно легче переносится?»

Потом подошел представитель Народной милиции. Он дал журналистам оперативную информацию, которая была известна на данный момент. Обстрел начался не ночью, как сказали в редакции, а под утро. По поселку выпустили около десятка 120-мм снарядов. Они попали в три двора, повредив два дома и хозпостройку. Несколько снарядов упали на одну из улиц и повредили столбы с проводами. Есть угроза, что один из них может упасть на жилой дом. Поэтому улицу обесточили, сотрудники МЧС и электрики сейчас осуществляют необходимые работы, чтобы устранить неполадки. Во время обстрела пострадала пожилая женщина, которая самостоятельно не передвигается. Она получила контузию, ее госпитализировали. Также пострадала женщина 1979 года рождения, ее взрывной волной выбросило из дома. «Наверное, это ее кровь была на тех оконных рамах», — подумал Сергей. Пострадавшую осмотрели два медика, женщина получила ушибы и гематому.

По словам представителя Народной милиции, обстановка на линии разграничения обострилась. За прошедшие сутки по территории республики было выпущено 347 снарядов, пострадали не только военные, но и несколько мирных граждан в других населенных пунктах, в районе Кировска и Калиново. Украинские солдаты вели огонь из артиллерийских орудий, вооружения БМП, гранатометов и стрелкового оружия.

«Вот такие пирожки с котятами», — вспомнил Сергей бабушкину присказку. Он тяжело вздохнул. Переносить такие новости каждый день, пропускать их через себя было непросто, как набрать в дуршлаг воды. Однажды Литвинов поймал себя на мысли, что эта война постепенно отнимает у него годы жизни. Кто-то печется о размере пенсий, он же с какого-то момента начал чувствовать, что до пенсии не доживет. Эта затянувшаяся война в Донбассе со временем закончится, но через годы придет новая, разгорится очередной конфликт, от которого Сергей не сможет остаться в стороне. И жизненные силы будут постепенно покидать его.

Журналист присел на лавочку возле соседнего дома, достал пачку сигарет. Раньше он курил Camel, но теперь в Луганске их практически не продавали. Появилось много других марок. Вот и приходилось курить непривычные по вкусу опилки. Сергей затаился, дым заполнил все внутри, он закашлялся.

Сверху на происходящее глазело солнышко. Не особо разбирая, кто прав, а кто виноват в этом конфликте, оно улыбалось всем.

«Вот бы искупаться сейчас в пруду», — подумал Литвинов. На душе по привычке было противно. Давило сердце.

Надо возвращаться в редакцию. Он огляделся вокруг. Старые домики еле стояли. А тут их еще и обстреливают чуть ли не каждый день. Сколько они еще выдержат?

* * *

Он не успел долго поработать в редакции, как снова надо было ехать на мероприятие. На этот раз спорт. Ну, отлично. Хоть что-то позитивное, а то сплошная депрессия. «Когда же я все это отписать успею?» — хмыкнул Сергей.

До центра ехать недалеко. Кажется, что в Луганске вообще все рядом. Брифинг посвящен участию местных молодых спортсменов в чемпионате России по боксу.

Прошел через охрану, которая постоянно проверяла его, не смотря на то, что уже хорошо знала. Поднялся на четвертый этаж, вошел в конференц-зал. Многие коллеги уже собрались. Он уселся с краю, достал диктофон и фотоаппарат. Почувствовал на себе взгляд. Это была Валерия. Она смотрела на него грозно. Почему, чем вызвано ее недовольство? Все очень просто — он не заметил ее, когда вошел. А значит, уже провинился. Сергей попытался улыбнуться ей, но Лера демонстративно дернула головой и отвернулась. До чего обидчивый народ, эти девушки.

После брифинга Литвинов спускался на первый этаж.

— Эй, господин журналист, — Валерия смотрела на него сверху. На лице у нее сияла улыбка. Вот... как? Только что она обижалась, и уже в хорошем настроении?

— Лучше уж товарищ журналист, — усмехнулся он.

Она грациозно спустилась по ступенкам, и они поравнялись. Сергей ощутил ее цветочное дыхание.

— Ты меня избегаешь? — серьезно спросила она.

— Нет, конечно, Лера. Что за глупости?

— А чего же тогда...

— Да просто хотел побыть один немного.

— Ну и как? Не надоело одиночество? — она резко притянула Литвинова к себе, затем развернула и прижала к стене. — А то мне...

Ее губы были слишком близко к его лицу. Он ощутил прилив. Такое испытываешь, когда рядом стреляет артиллерия. Горячая волна пробежалась по телу. И не подростки уже давно, а чувства вдруг... Может, война тому виной? Два одиночества нашли друг друга? Сергей уже хотел притянуть ее к себе, чтобы поцеловать, но слышались шаги спускающихся сверху коллег. Отстранились. И в этом тоже был свой шарм. Они не афишировали отношения.

— Да, наши хоккеисты молодцы вообще, завоевали медали, — громко сказал Литвинов.

— В смысле, боксеры? — поправила Валерия.

— Да, боксеры. Красавчики ребята.

Коллеги ехидно усмехнулись. Секрет полишинеля, что эти двое равнодушны друг к другу.

Зайдя за угол здания, она взяла его за руку, крепко сжала.

— Ты сегодня приедешь? — ее светло-зеленые глаза показались большими, смотрели с мольбой.

— Вообще я к родителям собирался заехать... Но, если ты хочешь, то я...

— Конечно, хочу, — она дала ему легкий подзатыльник. Мол, дурак ты, Серега, когда я не хотела?

— Тогда я у тебя останусь? — вопросительно протянул он.

— Да, конечно.

И они разошлись в разные стороны — она пошла к Центральному рынку, а он вниз, в сторону краеведческого музея. Хорошо было на улице, не жарко и не холодно. Приятно. Как поцелуй Леры. Со стороны могло показаться, что он пренебрегает отношениями с ней, но это было не так. Он просто боялся показать свои эмоции лишней раз, старался быть спокойным и даже безразличным. Все это выглядело банально, как стриптизерша на мальчишнике. На самом деле, внутри него цвела весна, когда Лерка была рядом.

Впрочем, Леркой ее и не назовешь — она была старше более чем на десять лет. Хотя девчонки — они в любом возрасте девчонки.

Он доделывал работу, засидевшись в редакции дольше обычного. За окном чуть потемнело, приближались приятные летние сумерки. Литвинов взглянул на часы. Удивившись скоротечности времени, схватил сумку и побрел к остановке.

Сергея залил горячей водой растворимый кофе, по пути на балкон взял из пачки сигарету. Лера, отдохнув немного, пока кипятилась вода, встала и накинула на себя тонкий халатик.

— Дай затянуться, — попросила она на балконе. Сергей поднес к ее губам сигарету. Лера сделала глубокую затяжку, выпустила клубы дыма. Это не перебило ее цветочный запах.

— Кофе? — предложил он.

— Нет, спасибо.

Город уже спал. Вот-вот выключат фонари и станет совсем темно. Ездили таксисты, развозили запоздалых пассажиров. Сейчас начнется комендантский час.

— До сих пор не могу привыкнуть к тому, что гулять можно только до одиннадцати вечера, — сказал он после того, как сделал глоток кофе.

— Да, признаки военного времени, — грустно протянула она.

— А ты любила тусоваться?

— В университете был период. Я тихоней была в школе, у меня почти не было друзей. А когда стала студенткой, то позволила себе немного погулять. Но на четвертом курсе познакомилась с парнем. И все пьянки и походы в клубы прекратились. Остались редкие и скучные посиделки с однокурсницами.

— Ты была замужем?

— Была.

— И как?

— Нормально.

— А чего же расстались?

— Я детей ему не хотела рожать.

Фонари отключились. Далеко за городом раздался взрыв. Затем еще один. И еще.

— Ты у меня интервью пытаешься взять? — засмеялась Лерка.

— Да, — подтвердил Сергей. — Только ты замкнутый собеседник.

— Так ты расположи меня к себе, — парировала журналистка.

— Опять? — ухмыльнулся он. — Тебя домогались на работе?

— Да, иногда бывали случаи. А тебя?

— Ну, если не считать тебя, то нет.

— Не поверю, проказник.

— Чего ты со мной возишься? — задумался вслух Литвинов. — Я же тебе толком ничего не могу дать.

— А мне и не надо ничего. Все, что было, то прошло.

— Я думал, что все девушки хотят семью, детей.

— Я уже перегорела этим. Я хотела когда-то, но жизнь так сложилась.

— Ты чувствуешь себя одинокой?

— Каждую минуту.

— Тогда почему не заведешь кошек?

Она легонько хлопнула его по плечу. Он взял ее руку и начал целовать. Валерия провела ладонью по его волосам в том месте, где была яркая седая прядь, которая виднелась даже в темноте.

Обнявшись, они лежали на мягкой кровати. Прохладный воздух, не спрашивая, заходил через открытый балкон. Ночь была светла благодаря Луне, которая следила за спокойствием этой части мира, пока Солнце грело другое полушарие.

— Завтра рано вставать. Ты же едешь в Кировск?

— А что там?

— Отремонтировали больницу или школу. Не помню.

— Нет, не еду. Я могу поспать подольше.

На выходных Сергей решил покататься на велосипеде, чтобы поддерживать себя в форме. Хотя это громко сказано. Он принял душ и вывел железного коня на улицу. Солнце только выходило из-за горизонта, воздух еще не прогрелся. Литвинов предусмотрительно накинул ветровку, чтоб не замерзнуть.

Ветер обдувал лицо, голова замерзла почти сразу же. Через несколько минут тело разогрелось, спотело. Внимательно оглядевшись, Серега выехал на проезжую часть. В такое раннее время можно не опасаться машин. Широкая и длинная дорога. Как же это круто! Силы то уходили из его тела, то снова возвращались, сердце активно стучало, от нагрузки начали болеть запястья. Он оказался на окраине города и развернулся, чтобы поехать в сторону рынка. Какое же это наслаждение, кататься на велосипеде! Как хотелось отправиться в долгое путешествие по просторам России... Но, не прокатавшись и получаса, Сергей почувствовал, что дальше уже не может ехать. Сердце вылетало из груди, а ноги стало ломить от усталости. Постепенно замедлил темп езды, перейдя на прогулочную скорость. Хотелось пить, он решил, что остановится в районе рынка, сделает небольшую передышку.

В столь раннее время еще никто не торговал, модули и магазинчики были закрыты. Но уже начали ездить автобусы. Сергей свернул в проезд и, преодолев еще метров сто, оказался возле тех лавочек, на которых он сидел с незнакомым пацаненком и кормил его пирожками. Рядом делали пристройку, возле здания лежала груда кирпичей. «Удивительно, что еще никто не стащил. У нас народ ушлый!» — мелькнула у Литвинова мысль. Он остановился рядом, облокотил велосипед на пристройку, а сам попытался отдышаться. Когда, наконец, удалось совладать с дыханием, достал из рюкзака бутылку воды. Руки немного дрожали от напряжения после езды, по-прежнему болели запястья. Из-за этого Серега уронил пробку прямо в груду кирпичей. «Твою же мать!» — выругался он. Не выбрасывать же бутылку. Присел и откинул пару белых кирпичей.

Интуиция внезапно забила тревогу. Литвинов не понял, в чем дело. Он заметил что-то необычное, какой-то темный предмет, покоившийся между кирпичами. Лучи солнца упали под нужным углом и Сергей увидел, что в груде стройматериалов лежит граната. Он не поверил своим глазам. Секунду спустя пришел в чувства, вспомнив, что сейчас идет пусть не такая активная, но все же война. Литвинов осторожно, не смея больше трогать кирпичи и совсем забыв о крышке, сделал несколько шагов назад. Затем достал из кармана мобильный и позвонил в полицию.

Присел на лавочку, закурил. Ноги не держали. Потом нервно засмеялся, сам даже не понимая почему. «Какое странное утро, — подумал журналист. — День начался очень удачно». Руки так и подрагивали, и он не мог понять из-за чего именно — от физической нагрузки или нервов.

— У меня, наверное, сегодня второй день рождения, — сказал он вслух, хотя никого рядом не было. — Очень странное утро. Почему я вообще здесь оказался? Именно здесь. Я ведь мог дольше спать, часов до десяти. Выходной.

Сергей встрепенулся и огляделся вокруг. И понял. Кое-что он все-таки понял. Никого не было на рынке, но через час появятся уличные торговцы, через два часа откроются магазины и ларьки. Придут строители, чтобы продолжить свою работу. Люди приедут на рынок, чтобы закупиться... Удачное место подобрали, ничего не скажешь.

— Вот, уроды, уроды проклятые, — процедил сквозь зубы журналист.

Минут через пять прибыли правоохранители, отделение находилось совсем недалеко. Они оцепили место происшествия. Вскоре приехали и сотрудники МЧС.

Полицейские записали данные Литвинова, узнали, что он работает журналистом, и сказали, что ему лучше уйти отсюда, так как сейчас будут проходить работы по разминированию.

— Мужики, а велик?

Один из полицейских подвел к нему велосипед.

— Езжай, спортсмен.

Сергея поехал по дворам и выехал на дорогу, ведущую в центр. Он разогнался на спуске и дал волю скорости. Хотел как можно скорее уехать отсюда.

Начинался новый день.

* * *

Вечером Валерия услышала звонок в дверь. Гостей она не ждала, подумала, что соседи чего-то хотят. Тихо прокралась к двери, пытаясь не выдать шумом свое присутствие. Посмотрела в глазок. За дверью стоял знакомый силуэт.

— Кто там? — решила спросить она.

— Открывай уже, а то прячешься в своем гнезде.

Лера включила свет в коридоре и открыла дверь.

— Чего это ты нежданно-негаданно? — ехидничая, произнесла женщина. — Соскучился, что ли?

— Лерка, а поехали на море? — предложил Сергей.

Она изменилась в лице от удивления.

— На море?

— Ты не хочешь? Я отпросился с работы. Шеф дал неделю отпуска. И тебя, если надо, отпросим. Поедешь?

— Это неожиданное предложение, — отозвалась Лера. — Я как-то даже не рассчитывала.

— Какая разница, рассчитывала или нет, — немного раздраженно отозвался Литвинов.

— Ну, отпроситься с работы я, в принципе, могу... Но вот...

— Что вы, тетя, мнетесь? В чем дело? Если в деньгах, то не парься вообще. У меня есть. Я насобирал.

— Неожиданное просто предложение. Я согласна! — обняла его Лерка.

— Вот и отлично. Но что-то ты долго думала... Может, ты с кем другим хотела?

— Да нет! Я просто пыталась обдумать все.

Они начали целоваться в коридоре, перешли в спальню. Она ловко сняла одежду с себя, а после этого раздела и Сергея...

— У тебя было много девушек? — Она уже давно хотела спросить его об этом. Лера была жуткой собственницей, но пыталась не показывать этого. Она украдкой следила за тем, как Сергей во время мероприятий общается с другими девушками. И успокаивалась, когда не находила в его поведении никакого флирта и заигрываний по отношению к другим.

— Нет, совсем немного.

— Сколько? — не унималась она.

— Это не имеет значения. У меня на любовном фронте сплошные поражения.

— А я? Тоже твой проигрыш?

— Я не могу понять. Я не пойму, зачем я тебе нужен. Встретились два одиночества? Но почему именно я? Что во мне особенного? Ты очень красивая, мне кажется, любой захотел бы быть с тобой. И не похожа на тех, с кем я был раньше.

Ответ удовлетворил Валерию.

— Я с тобой, — отозвалась она, — потому что в тебе есть какая-то изюминка. Ты необычный. Хотя с виду — серый и невзрачный. Но, бывает, на тебя так странно

падают солнечные лучи и превращают совершенно в другого человека. Помнишь сказку про царевну-лягушку?

— Вот спасибо. С лягушкой, да еще и царевной, меня никто не сравнивал.

Оба рассмеялись.

— Я имею в виду, что ты неограниченный алмаз. Или как-то так. А еще я чувствую, что ты мой. Не могу это толком объяснить.

Сергея задумался. Он испытывал похожие чувства. Они вышли на балкон. Вечер был теплым и приветливым, еще сверкали огоньки в чужих окнах, по карнизам топали голуби, поссорившиеся кошки орали друг на друга. Горожане бродили по улицам, а возле дома даже играла детвора, до последнего не желавшая идти домой к домашним заданиям и ужину. В беседке возле дороги пили водку пенсионеры, яркая лампочка над ними позволяла играть в домино даже вечером. Обычные картины жизни района. Но еще полчаса — и на улицах останутся только патрули, которые будут доставлять в отделение всех прохожих и гуляк, забывших про комендантский час.

— Я вчера катался на велосипеде и нашел гранату.

— Ты серьезно? — округлила глаза Лерка.

— Да. Поэтому будь осторожна. Всегда смотри под ноги. И лучше вообще не гуляй там, где массовые скопления людей. Я у пацанов выяснил, что за последнее время много находят растяжек. Даже противопехотную мину нашли возле школы.

— Война ведь продолжается.

— Да, как-то она затянулась слишком, — ответил Сергей.

— Бывает и дольше.

— Лерка, за эти годы я забыл, какая она, нормальная жизнь. Когда война началась, я ведь пацаном еще был... Поэтому и хочу на море, хочу посмотреть на мирную землю, какой был Донбасс до войны. Хочу увидеть людей, на лицах которых нет печали и горя.

— Да, кстати, так куда мы поедем? — Лерка перевела тему, она не любила, когда Сергей загонял себя и ее в депрессию.

— Я думал над этим. И принял решение — мы отправимся в Новороссийск.

— Классно! — вскрикнула Валерия. — Я никогда не была в Новороссийске!

— Да и я тоже. А где ты была на море?

— В Ялту она каталась два раза. Но это было более десяти лет назад.

— А я один раз в Севастополе был. Семь лет назад. Как время летит... Я еще раз хочу побывать в этом городе, — на Сергея приятной освежающей волной накатили воспоминания. — Он восхитителен. У него неповторимая атмосфера. Город-герой. Это колыбель русской культуры. Просто подумай, что ты можешь пройти теми тропинками, которыми великие люди ходили тысячу лет назад. Меня больше всего впечатлили развалины Херсонеса. Я с детства по всяким стройкам люблю лазить, а там — руины древнего греческого города. Когда уезжал оттуда, то дал себе слово, что обязательно вернусь в Севастополь.

— Так, может быть, туда поедем?

— Я рассматривал такой вариант. По территории Украины нам с тобой нельзя ехать, а в обезд, через Керчь, это долго. Ехать куда-то в маленький поселок, чтобы просто валяться на пляже, я не хочу, я люблю активный отдых. В Сочи после Олимпиады будет, скорее всего, дорого. Поэтому из более-менее больших городов на побережье Черного моря остаются Анапа, Геленджик и Новороссийск. На нем я и остановил свой выбор.

— Мне вообще все равно. Мы ведь с тобой ни разу не путешествовали вместе. Я бы и на речку согласилась поехать, — рассмеялась Лера. — От тебя и этого не дождешься!

— Ты сейчас договоришься! — с наигранной надменностью поднял подбородок Сергей. — Будешь в постели отрабатывать.

— А я и не против, между прочим.

На следующий день Валерия отпросилась с работы. Ее без проблем отпустили, хотя главред и поворчал, мол, работать некому, остались практически одни стажеры-студенты. И Сергей с Леркой начали собираться в дорогу. Он настоял, что нужно брать минимум вещей. Валерия все же взяла теплую кофту и зонт. Литвинов же умудрился свои пожитки вместить в обычный рюкзак, с которым ходил на работу.

— Это вы, девушки, пользуетесь тоннами косметики. А мужику что главное? Чтобы была пара трусов и пара носков. И в путь.

Уже вечером они стояли на границе с Россией. Таможню прошли быстро, за два часа. И автобус отправился напрямик в Новороссийск. Ехать ночью — сплошное наслаждение. За окнами мелькает темная дорога, водитель иногда сигналист перебегающим лисам, то и дело появляются незнакомые населенные пункты, которые мирно спят, в темноте можно разглядеть и далекие поселки, отдающие электрический свет небу. Трасса хорошо освещена, работают ночные кафе, отели и гостиницы, движение на федеральной трассе не затихает никогда. И никакого комендантского часа.

Лера свернулась комочком и пристроилась на Сереевом плече. Тарахтящий автобус и сидячее положение не мешали ей спать. Он тоже дремал, но то и дело просыпался. Часа в три ночи автобус сделал остановку, и Литвинов вышел покурить. Рядом стояли водители и еще пара пассажиров. Размял ноги, походил вокруг автобуса и даже пару раз присел, тело затекло, и сейчас очень хотелось пробежать стометровку. Сергей иронично заметил, что наверняка не уложился бы в школьный норматив. Хорошо освещенная трасса уходила вдаль, машины быстро пролетали мимо припаркованного автобуса. Спокойная ночь, которой можно не бояться. Поля без мин, тихий сон мирных поселков, не знающих, что такое грохот артиллерии, бескрайнее пространство России, у которого нет начала и никогда не будет конца.

Рано утром проехали Краснодар, показавшийся Сергею и Лере, которой уже не спалось, очень красивым и нарядным городом.

— Мы обязательно должны погулять здесь, — предложила она.

— Как-нибудь приедем на выходные.

На въезде в Новороссийск была длинная пробка, образовавшаяся из-за большегрузов. Въезжали в город более часа.

— Смотри, как красиво! Горы! — показывала Лерка пальцем в окно.

Уставший после долгой дороги Сергей растянулся в кресле — миссия выполнена, они добрались. И можно было наслаждаться красотой окружающих пейзажей и теплым солнцем.

— Какие наши степи скудные по сравнению с этим! — все восклицала она.

— Ты как будто никогда не видела гор.

— А я впечатлительная. Мне нравится здесь, — парировала Лера, с жадностью осматривая городские картины, мелькающие за окном автобуса.

Квартиру сняли недалеко от моря, в районе плацдарма Малая земля. Пару часов подремали и после обеда вышли прогуляться по новому городу, который возник в их жизни.

— Как здесь классно!

Вышли на набережную и совсем рядом увидели море, сразу захотелось прикоснуться к нему, ощутить его прохладу. В одном из магазинчиков по пути купили бутылку вина. Сошли с набережной и спустились к воде, где лежали галька и боль-

шие валуны. Облюбовали один из них, пили вино до позднего вечера. В первый день отдыха так и не искупались в море.

Новороссийск принес им хорошие впечатления. Сергея радовала курортная атмосфера, толпы беззаботных отдыхающих. Должно же на Земле быть место, где можно оставить все переживания? Море отлично подходило для этого.

Весь следующий день они провели на Суджукской косе, купались, валялись на лежаках в тени зонта, обедали в кафе, выпили пару алкогольных коктейлей, критиковали памятник Андрею Миронову, восхищались пейзажем. Синее море выплескивалось на берег, слева была бухта и порт, грузовые корабли приплывали и отправлялись в далекие страны, вокруг возвышались горы, где-то покрытые зеленью, в некоторых местах белые от мела. Сергей много плавал, постоянно замерзал, оттого что долго находился в воде.

— Да у тебя губы сейчас посинеют! Хватит трястись, — она укутала его в полотенце и начала растирать.

— Я просто по морю очень соскучился.

— Да купаешься еще...

— А вдруг нет?

— Не мели ерунды.

Под вечер они прошлись по косе. Природа — лучший архитектор. Увидев баскетбольные площадки, Сергей сразу захотел поиграть, но постеснялся подходить к игравшей молодежи.

— Ты же журналист!

— Я стеснительный журналист!

Она обнимала его, дарила теплые поцелуи, каждый из них был благодарностью: «Спасибо за то, что подарил мне море». Они очаровывались Новороссийском с каждым днем все больше. Не сидели на месте и посетили, как им казалось, практически все достопримечательности. Ездили вечером на гору Семь ветров, поразились там, с огромной высоты, красотой ночного города. Внизу горели сотни огоньков, отражались в темной воде. Зрелище было очаровательным и захватывающим дух. Полюбился им пляж Мысхако, на котором отдыхало не так много людей. Они даже лазили на гору, возвышающуюся справа. Линия горизонта ушла под ноги, но высота не была слишком большой. Они стали ближе к солнцу и облакам. Внизу на диком пляже плескались нудисты. По крайней мере, Сергею так показалось. Они вернулись на пляж, вспотевшие от горной прогулки. Литвинов, разгоряченный южным солнцем, зашел по колено в воду, ощутив блаженство, снимающее усталость. Прямо в шортах и майке он нырнул и выплыл через пару метров.

— Вот что значит освежиться! — крикнул он.

Лера сбросила прозрачное парео и осталась в темно-синем купальнике. Последовала за ним. Они обнимались и целовались в воде. Волны приносили медуз, Сергей усердно их отбрасывал, но все тщетно. Сегодня они заповили берег. Наверное, шторм был неподалеку.

— Вот бы увидеть большую рыбеку, — сказала Лерка на берегу. — Или дельфина потрогать.

— Давай вечером сходим в дельфинарий, если хочешь посмотреть на рыб.

Дни тянулись медленно. Они были насыщены впечатлениями. Изучали город, подмечали его особенности, любовались достопримечательностями, разговаривали об истории и личностях, гуляли по улицам Новороссийска, тратя на это уйму времени. Улочки были совсем не похожи на луганские, и хотелось впитать эти отличия, запомнить их, чтобы потом вспоминать.

На одной из центральных улиц возле набережной Лера засмотрелась на летнее платье, выставленное в витрине одного из бутиков, пока Сергей покупал мороже-

ное. Он подошел и, заметив ее взгляд, предложил пойти и купить его. Она сначала отказывалась.

— Давай, тебе же оно понравилось, — настаивал Литвинов. — Я тебе его куплю. Я только сейчас понял, что никогда не делал тебе подарков. На тебе это платье будет смотреться очень красиво. Надо же что-то на память купить в Новороссийске.

Она поддалась на уговоры, и уже вечером вышла на прогулку в новом легком платье.

Лера и Сергей становились ближе, узнавали друг друга. Их отношения начались не так давно, с начала этого года, когда Валерия, выходя с очередного заседания Народного Совета, поскользнулась и чуть не упала. Сергей вовремя ее подхватил. Он притянул ее к себе, и оба почувствовали пусть не физическое тепло, ведь на улице было почти двадцать четыре градуса мороза, но душевное. После одного из мероприятий Лера намекнула на то, что не прочь сходить куда-нибудь, Серега пригласил ее, не питая особых надежд. Вечером они уже обсуждали последние новости республики, попивая коктейли за барной стойкой. На следующем свидании они уже целовались, почти не разговаривали. Отношения длились уже полгода, но влюбленные толком не знали ничего друг о друге. И только эта поездка на курорт сделала из них полноценную пару.

Раньше они не придавали значения разговорам, отдавая предпочтение физическим отношениям. Лера за долгие годы впервые нашла человека, с которым ей было комфортно. Он был симпатичен ей не столько внешне, а какой-то привлекательной душевной аурой. Он умел рассмешить. И не только пошлыми шутками. Хотя от них Лерка заводилась еще больше. И в какой-то момент взрослая и состоявшая в профессии женщина осознала, что влюбилась. Она преобразилась, и с приходом тепла Сергей заметил в ней мягкость и открытость, желание любить и быть любимой. Зимой этого не было видно, Лера тогда вела себя более сдержанно, сказались годы одиночества и неудачный любовный опыт.

В один из дней перед отъездом они снова выбрались на пляж Мысхако, но уже ночью. Запаслись едой и местным недорогим вином, купленным днем в маленьком магазинчике. Таксист довез в одно мгновение, чуть не устроив две аварии, хотя его никто не просил так гнать автомобиль.

Морская вода потеряла свой синий цвет, заполнившись чернотой. Если посмотреть дальше, то ничего увидеть невозможно, лишь слева в городе мигали огоньки. Слышался шум прибоя, плеск волн и шипучей пены. Сергей ощутил на шиколотках теплую воду. Еще приятнее, чем днем. Мелкая галька была прохладной, остывшей. Они притащили лежаки, которые в дневное время сдавались в аренду за деньги. Сейчас их можно было взять абсолютно бесплатно. Завалились на них, укутавшись в большие полотенца, и стали пить из мягких пластиковых стаканчиков вино, оказавшееся неожиданно ароматным и сладким. Сокрушались, что нет настоящих бокалов, в которых оно, несомненно, стало бы еще вкуснее. Болтали и глазели на ночное небо. Вверху звезды, неизвестные созвездия, туманности. Влияют ли они на нашу жизнь?

— Чувствуешь себя королем? — в пустоте пляжа раздался звонкий голосок Леры.

— Ага, — рассмеялся Сергей. — Хорошо здесь. Открытое море, а дальше — Турция, пролив, Средиземное море, Греция, Италия, Египет, Алжир. Хотел бы я увидеть другие страны, незнакомые культуры. Был бы я миллионером...

— Я бы не хотела посещать все эти знаменитые курорты. Я бы лучше отправилась в экспедицию на Северный полюс, на ледоколе поплавать. Или в джунгли Амазонки.

— Ты такая маленькая, что в джунглях тебя любая стрекоза сможет утащить. Ищи потом по всему континенту.

— Да ну тебя!

— Ты любишь экстрим?

— Я люблю безопасный экстрим, — ответила Лерка.

— Это как?

— Ну, так, чтобы ты был вроде в опасном месте, но при этом тебе ничего настоящего не угрожало. Ну, знаешь, как некоторые украинские генералы посещают передовую. Вроде отметился, что был там, смельчак, вместе с солдатами в окопах. А на самом деле там все оговорено и ему ничего не угрожает.

— Ну да... Я люблю пешие прогулки, активный отдых.

— Да, я заметила, мы много ходим в Новороссийске. У меня к концу дня ноги гудят, будто весь день за станком отработала.

— Давай помассажирю.

Лерка положила свои аккуратные ножки ему на колени, Сергей принялся их гладить и массировать, потом целовать.

— Ах ты, мелкий развратник, — прошептала она. — Ты мечтаешь о чем-нибудь?

— Раньше мечтал. А сейчас прожил день — уже радость.

— Например, много денег иметь? — гнула Лера свою линию.

— Разве это мечта? Это мелочь.

— Что тогда?

— Не знаю. Кроме банальностей ничего в голову не лезет. Оставить свой след в этом мире.

— Я в юности петь хотела. Оперной певицей стать. Но не повезло.

— Ну, ты всегда можешь читать рэп, — предложил Сергей. Лера глянула на него удивленно. — А чего? Все сейчас увлекаются этим. Даже наши. А чем ты хуже? Первая луганская журналистка-рэперша.

— Я тебе о серьезном, а ты, как всегда, ерундой страдаешь.

Сергея открыл новую бутылку.

— Да я тоже серьезно. Я сам раньше писал стихи, до войны. Потом вдохновение ушло, и года четыре уже ни одной строчки. Давай создадим дуэт, как Лолита и Цекало?

— Ты уже в соплях напился, что ли? — засмеялась Лерка.

Море было теплым и приветливым. Сергей зашел по грудь в воду. Куда же делась его привычная синева? «Как странно купаться в черной воде», — подумалось ему. Он обернулся и увидел, что Лера тоже собирается искупаться. Она сняла купальник и сделала неуверенные шаги, соприкасаясь с ночным морем. Сейчас с нее можно было писать картины. Но Литвинов не умел.

— Только не заплывай далеко, — бросил ей. — В темноте трудно ориентироваться. Еще уплывешь в Турцию.

Алкоголь выветрился, ночное купание пошло на пользу. Черное, неведомое море. Вверху, на расстоянии миллионов световых лет, светят звезды, тишину нарушает лишь плеск волн. Душа залечивала раны темной соленой водой.

Они вернулись на берег, когда увидели, как несколько собак подбежали к вещам и начали рыться. Сергей прогнал незваных гостей. Снова устроились на лежаках, допивая оставшийся алкоголь, вели разговоры ни о чем. Позже пришла еще одна компания, они устроились на другом конце пляжа, громко смеялись и, вероятно, что-то праздновали. Валерия надела купальник.

Через час Сергей и Лера увидели настоящее чудо, потрясшее их. Явление, красоту которого не передать словами. Литвинов не думал, что это так необычно. Солнце показалось из-за горизонта, перед этим послал слабые лучи на разведку. Небо светлело. Чернота ночи в считанные минуты исчезла, и снова появилось привычное сине-зеленое море. У Сергея от впечатлений даже появились мурашки.

— Вот это круто! Я встречал рассветы, но не такие. Вот это на самом деле чудо. Какая же красотища! На море абсолютно все другое: рассвет, дуновение ветра, дождь. Здесь намного сильнее все это чувствуется.

Лера кивала головой.

— Помнишь, как в старом фильме с Тилем Швайгером? «На небе только и разговоров, что о море»? — говорил Сергей. — Вот откуда они это знают, как придумали такое? Но мне кажется, что они правы. Ведь на небе действительно очень любят моря и океаны, иначе не создали бы их такими красивыми.

Отпуск заканчивался. Возвращаться на работу не очень хотелось, но влюбленные уже соскучились по родным и близким. Да и по самому городу. Набравшись терпения и проведя в дороге шестнадцать часов, они, уставшие, загорелые и переполненные впечатлениями, вернулись в Луганск.

На окраине города заметили несколько бронетранспортеров и танков, вокруг ходили военные с оружием. Обоим это сразу не понравилось. Предчувствие говорило, что что-то намечается. До Сергея дошло, что за все время отдыха они с Лерой не следили за новостями и были не в курсе того, что происходит в Донбассе.

Они вышли в центре и, пройдя немного, увидели людей в масках и с автоматами. Дальше им запретили проходить, и пришлось перейти на другую сторону улицы. Оттуда они увидели, что центральный сквер огорожен, а памятник украинскому Кобзарю отсутствует на своем привычном месте. Рядом с раскуроченным постаментом валялись обломки камня, прикрытые камуфляжной сеткой.

Присели на лавочку покурить. Закурила даже Лера, хотя делала это очень редко. Приподнятое после отдыха настроение улетучивалось. Чтобы немного приостановить этот процесс, Лерка страстно поцеловала Серегу. Но море вернуть не получилось. На секунду ей показалось, что пахнет не сигаретами, а дымом пожара.

Оказалось, что диверсанты, так полюбившие портить памятники, на этот раз решили взорвать памятник Кобзарю. Это послужило поводом обвинить власти республики в вандализме, мол, это они на самом деле борются со всем украинским и снесли его чужими руками. Украинский президент помахал фотографиями с разрушенным памятником писателю в одном из европейских городов, как бы заручаясь поддержкой Запада. Вскоре началось обострение на линии соприкосновения. Украинские войска заняли несколько поселков в серой зоне. Увеличилась интенсивность обстрелов населенных пунктов республики.

— Мы снова дома, — горько улыбнулся Сергей.

На следующий день он вышел на работу. Шеф обрадовался его возвращению, так как журналистов не хватало. К обеду Литвинов уже был в прифронтовом поселке.

